

DOI: 10.25178/nit.2024.4.1

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА

Статья

Георгий Гачев и его метод мышления: меня человека и мир

Улданай М. Бахтикиреева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

Статья посвящена анализу интеллектуального наследия советского ученого — феноменального литературоведа, философа, культуролога Георгия Дмитриевича Гачева. Он широко известен как автор концепции ускоренного развития литературы, национальных моделей мира и исследователь связей между гуманитарным и естественно-научным знанием. Все его научно-творческие поиски получили свое словесное выражение в его неконвенциональных книгах, которые определяются его детьми как жизненно-философский дневник. Обсуждается его особый способ осмысления окружающего мира, ярко выраженный в особом стиле изложения, не подчиненном строгому жанру академического письма. Заключается, что строго иерархизированно переложить идеи Г. Д. Гачева практически невозможно, поэтому статья написана с опорой на первоисточники, а не на их переложение или критику.

Ключевые слова: Георгий Дмитриевич Гачев; национальный образ мира; Космо-Психологос; ментальность; неконвенциональный; возвышенное

Для цитирования:

Бахтикиреева У. М. Георгий Гачев и его метод мышления: меня человека и мир // Новые исследования Тувы. 2024, № 4. С. 6-19. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.1>

Бахтикиреева Улданай Максатовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10А, каб. 283. Эл. адрес: uldanai@mail.ru

BAKHTIKIREEVA, Uldanai Maksutovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University. Postal address: Off. 283, 10a Miklukho-Maklay St., 117198 Moscow, Russia. Email: uldanai@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5088-7568

SPECIAL THEME

Article

Georgy Gachev and his Method of Thinking: Changing man and the World

Uldanai M. Bakhtikireeva

RUDN University, Russian Federation

The article is dedicated to analyzing the intellectual legacy of the Soviet scholar Georgy Dmitrievich Gachev — a remarkable literary critic, philosopher, and cultural theorist. He is known as the author of the concept of accelerated literary development, creator of national models of the world, and an explorer of the connections between the humanities and natural sciences. All Gachev's scholarly and creative pursuits found their expression in his unconventional works, which his children characterize as a "life-philosophical diary". The article discusses Gachev's unique approach to interpreting the world around him, conveyed through a distinctive style of writing that defies the rigid conventions of academic discourse. It concludes that strictly hierarchical presentation of Gachev's ideas is nearly impossible; therefore, the article relies on primary sources rather than interpretations or critiques of his work.

Keywords: Georgy Dmitrievich Gachev; national model of the world; Cosmo-Psycho-Logos; mentality; unconventional; sublime

For citation:

Bakhtikireeva U. M. Georgy Gachev and his Method of Thinking: Changing man and the World. *New Research of Tuva*, 2024, no. 4, pp. 6-19. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.4.1>

Введение

1 мая 2024 г. исполнилось 95 лет со дня рождения Георгия Дмитриевича Гачева (1929–2008), которого известный искусствовед Г. И. Ревзин по праву определил в ряд «самых ярких мыслителей позднесоветского времени»¹.

Глубокий и немногословный литературовед С. Г. Бочаров (1929–2017), один из четверых «бахтинских сирот»², друг Г. Д. Гачева на протяжении 60 лет, отметил: «Гачев был необыкновенное человеческое мыслящее существо. Существо вне ряда и вне сравнения и уж, конечно, вне отдельного профессионального цеха»³.

¹ Ревзин, Г. Непересказуемый. Умер Георгий Гачев. Некролог [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2008. № 48. 25 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/870944> (дата обращения: 07.09.2024).

² «Бахтинских сирот тоже было четверо: Сергей Бочаров, Георгий Гачев и Вадим Кожинов, работавшие в отделе теоретических проблем Института мировой литературы, и Владимир Турбин, преподававший на филологическом факультета МГУ. Эти четверо <...> признали Бахтина своим учителем, добились переиздания его книг и публикации рукописей и способствовали его переезду в Москву. От Бахтина они восприняли уроки не только профессионального литературоведения, но сам дух свободного мышления и вопрошания о последних смыслах, о месте личности в культуре и языке» См.: Эпштейн М. Сергей Бочаров и «бахтинские сироты» [Электронный ресурс] // 2017, 16 марта. URL: <https://yarcenr.ru/articles/culture/sergey-bocharov-i-bakhtinskie-sirotu/?ysclid=m340n7vrsa359597214> (дата обращения: 07.09.2024).

³ См.: Вертикаль жизни смысла [Электронный ресурс] // Литературная газета. 2019. № 24 (6694). 19 июня. URL: <https://lgz.ru/article/vertikal-zhizni-i-mysli/> (дата обращения: 09.09.2024).

О самобытности Г. Д. Гачева и феноменальном его творчестве пишут его коллеги и друзья, известные литературоведы и литературные критики: И. П. Золотусский, И. Л. Волгин, С. Г. Семёнова и др.¹, и многие другие знавшие его люди, и не знавшие его лично читатели. Вероятно, иначе и не могло быть с молодым человеком, поехавшим к М. М. Бахтину в июне 1961 г. и просившим его: «Научите, как прожить жизнь чисто и абсолютно!»²

Его «главной работой» стало осмысление и описание национальных образов (моделей) мира, «постигаемых как духовное единство в богатстве национальных вариантов» (Сидоров, 1988: 4). Среди лавинообразного потока работ, посвященных этому проблемному полю, немного тех, которые продуцируют новые знания³, но и на их фоне гачевские труды отличают выпадающий из привычного ряда метод осмысления объектов и явлений мироздания и нигилизм к императиву традиционного строго-научного стиля изложения. Жанр его изложения раздражал и провоцировал недоуменные вопросы. Так об этом писал Ревзин:

«Книги Георгия Гачева читать трудно. <...> потому что они слишком неконвенциональные⁴. <...> До определенной степени некая неконвенциональность свойственна всем философам его круга, и Владимиру Библеру, и Мерабу Мамардашвили, но он пошел дальше всех именно в утверждении права на полнейшую субъективность <...>. Его работы невозможно пересказать, резюмировать, перевести в состояние философской школы, у него нет учеников, на него редко ссылаются. Но в этих текстах есть одно несомненное свойство — пока их читаешь, не покидает ощущение, что здесь что-то есть»⁵.

На самом деле, все интеллектуальное наследие Г. Д. Гачева вне принципов конвенциональности, общепринятых научных традиций. Однако на него обильно ссылаются. Количество цитирований только одной книги «Национальные образы мира» и только в одной базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) сегодня приближается к тысяче⁶. Его размышления, свободные от назидательной дидактики, являются спасительными аргументами, ценными подпорками, поддерживающими в конкретном субъекте — и исследователя, и человека. «Что-то есть» в этих неконвенциональных трудах, не вмещаемых в круг традиционных определений, не облачаемых в «смирительную рубашку» конкретного жанра, автор которых свободен от диктата академического «жаргона», и вольготно пользуется самостийным правом на полнейшую субъективность в изложении собственного мироощущения.

Так, что же это «что-то»? Почему в процессе чтения гачевских книг не покидает ощущение резонирования в ответ? Почему ты вовлечен в цепную реакцию со-причастия? Ты не станешь прежним после книжных и очных встреч, от чего? На эти вопросы каждый, кто знаком с интеллектуальным наследием Г. Д. Гачева, ответит по-своему, у каждого из нас есть свое «что-то».

Известный литературный критик Е. Ю. Сидоров в предисловии к «Национальным образам мира» (Гачев, 1988), характеризуя не формальную логику гачевского метода «мыслеобраза», отметил его уникальный способ мыслить, открывающий «по дороге новые перспективы и для современной культурологии и для сравнительно-исторической поэтики» (Сидоров, 1988: 5). Соглашаясь с этим выводом, добавлю, что в совокупности труды Г. Д. Гачева имеют перспективы в гораздо большем спектре аспектуальных и синтезирующих исследований. Подобно световому лучу, проходящему через призму и превращающемуся в многоцветную полосу, интеллектуальное наследие Г. Д. Гачева, преломляясь сквозь призму сознания исследователей, разноцветным шлейфом сопровождает не только работы философов и литературоведов, лингвистов и культурологов, но и влияет на их личностное бытование.

¹ Там же.

² Гачев Г. Д. «Вжиться в себя тогдашнего...» [Электронный ресурс] // Литературная газета. № 24 (6694). 2019, 19 июня. URL: <https://lgz.ru/article/vzhitsya-v-sebya-togdashnego-/> (дата обращения: 07.09.2024).

³ См. опубликованные монографии и статьи в рамках научного проекта «Тезаурус этнической культуры в XXI веке: проблемы исследования и сохранения (на примере тувинской культуры)» коллектива под руководством Ч. К. Ламажаа (Тувинцы. Родные ..., 2022; Тува. Родная ..., 2023; и др.).

⁴ Неконвенциональный — не являющийся общепринятым, соответствующим определённым традициям, принципам конвенциональности.

⁵ Ревзин Г. Непересказуемый. Умер Георгий Гачев. Некролог [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2008. № 48. 25 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/870944> (дата обращения: 07.09.2024)

⁶ На 8 октября 2024 г. количество цитирований в РИНЦ — 963 (см. напр.: Федякин, 2010; Визгин, 2017; и мн. др.).

Встречи-беседы с Г. Д. Гачевым и его труды повлияли и продолжают влиять на формирование моего мировоззрения, личностного роста как человека, критически осмысляющего свое повседневное бытование, и как исследователя, нашедшего в его трудах то, что не предоставлялось найти в рамках традиционного инструментария дисциплин филологического цикла. В чем заключается актуальность интеллектуального наследия Г. Д. Гачева для меня — исследователя и преподавателя, которого до сих пор занимают вопросы, ответы на которые не находились в предлагаемой научно-учебной литературе? Поиск ответов на поставленные вопросы и является основной целью данной статьи.

Гачевское неконвенциональное и его жанр

Традиционно выделяемые исследователями три основные темы Г. Д. Гачева: концепция ускоренного развития литературы; связи между гуманитарным и естественно-научным знанием и национальные модели мира — получили свое словесное выражение в его неконвенциональных книгах. Все они выдержаны в одном жанре — гачевском. Е. Ю. Сидоров, говоря о «маргинальном» языке Г. Д. Гачева, отмечает: «Не всем по душе такая демонстративная свобода, такое дразнящее нарушение “правил хорошего тона”» (Сидоров, 1988: 6). Этими вопросами задавались многие: и блюстители чистоты научного стиля речи, и ищущие причинно-следственную связь исследователи: «Почему человек, энциклопедически осведомленный в самых разных областях знания от краеведения до квантовой физики, не дает себе труда излагать свои мысли сколько-нибудь строго и системно, вернее, даже наоборот, страстно трудится над тем, чтобы избежать любой строгости и системности?»¹

Главное отличие его текстов «от привычной, нормальной литературы, где три основных участника» (автор — слово — читатель) состоит в том, что он «обходился <...> двумя участниками: я и Слово (Культура)»² (Гачев, 1995: 4).

Гачев — Записывающий Слово³, фиксирующий его таким, каким оно явилось в конкретный миг его бытия со всей совокупностью всех его повседневных действий, деятельности и как индивида на ментальном уровне и как биологического организма при взаимодействии с окружающим миром (материя, природа)⁴. Диалог со Словом без оглядки на внешнего цензора и расчета на читателя, когда третий участник слушает, запоминает, усваивает, не отягощен принудительной педагогикой. В гачевском способе мышления осуществляется то самое хайдеггеровское «здесь-бытие» (*Dasein*) — «бытие-в-мире» и «понимание бытия». Особенно это становится очевидным, если все три упомянутые темы рассматривать в контексте его заглавной темы — «жизнемыслие», которая как «пневмосфера» обволакивает все наследие Г. Д. Гачева и объясняет неприемлемость для него жанра академического письма с его формальным стилем, специфическими требованиями к структуре, содержанию, правилам вывода и иными чертами. Эта заглавная тема раскрывается в его «Исповести» — так сам автор определил жанр книги «Роман Мысли с Жизнью» (Гачев, 1995), и книге «Жизнеописание»⁵. Погруже-

¹ Ревзин Г. Непересказуемый. Умер Георгий Гачев. Некролог [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2008. № 48. 25 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/870944> (дата обращения: 07.09.2024)

² «В таком случае — никакой я в этом тексте не “автор” (автор, скорее, — Слово, что пишет меня, облучает, как УВЧ со-вести, со-мысла, со-знания) и не “писатель”, а, скорее, “писарь”: слова, что от Слова внемлю, слышываю, — записывающий» (см.: Гачев, 1995: 4).

³ «ВДУМЧИВОСТЬ — так бы я обозначил свое дело и жанр. Тут — приход Слова в меня, а невыход меня через слово — к читателю в качестве “писателя”. Слово ведь — <...> Друг и кормилец, обитель Культуры, ее дыхание» (см.: там же: 3).

⁴ «Какой Георгий Гачев был своеобразный и свободный человек! Был он на редкость абсолютно чужд тому, что французы называют *rudibonderie* (эдакой чрезмерно жеманной стыдливости), не стыдился в себе ничего, всё мог выволочь на свет. Относился к себе, своему телу, процессам в нём как натурфилософ и даже как поэт, наподобие Уитмена и Маяковского, с восторгом открывавших в себе и “пятулучие рук”, и “запах подмышек”, что “ароматнее всякой молитвы”... Правда, Гачев с ещё большей въедливостью вникал в физиологию телесного функционирования, вплоть до самых низовых её проявлений — и какая тут у него роскошь уподоблений! Оттого и смерти не страшился, готов был идти в природные метаморфозы и кочевья» (Светлана Семёнова. Изобилие бытия. См.: Вертикаль жизни смысла [Электронный ресурс] // Литературная газета № 24 (6694). 2019, 19 июня. URL: <https://lgz.ru/article/vertikal-zhizni-i-mysli/> (дата обращения: 09.09.2024).

⁵ «Не уповаю на печать, ориентируясь на Истину и Абсолют, как будто стоя перед лицом Божиим, и, как на исповеди, не утаивал совершенные ошибки и грехи, не поддавался соблазну приукрасить себя в угоду биографической “легенде”, не боялся показаться нелепым» (Гачев Г. Д. Жизнеописание. Книга в журнале // Литературные

ние в них позволяет понять, что неконвенциональность его книг, «отстёгнутость» от императива научного жанра, отсутствие малейшего желания играть по чужим правилам, наделение себя правом полнейшей субъективности в изложении собственного осмысления окружающего мира, обусловлены его личностными экзистенциальными потребностями:

«Возлюбив с детства Слово <...> всю жизнь боялся — Жизнь не прожить», — записывает он в начале «исповести» (Гачев, 1995: 6) а, заканчивая её, пишет: «Упуская Время — чужое, по чужим правилам игры (история, политика, эстетика нынешнего течения ...), я не упустил настоящего и стоящего жития и мига <...>. Так что жертвой пешки Времени выигрывал ферзя Вечности... <...> Упуская время, жил счастливо!» (Гачев, 1995: 492; выделено мной — У. Б.).

Гачевское бытие-в-мире не могло объективироваться в рамках общепринятых жанров, потребовался «новый маргинальный язык исследования, на стыке научного и художественного мышления» (Сидоров, 1988: 4). Ризоматическое, нелинейное, гачевское мышление выражено в чувственно-логической последовательности и аргументации Слова, которое по степени воздействия на чувства читателей не уступает место лучшим образцам «мыслящей поэзии». «Читайте, как вы читаете стихотворения философской лирики», — отвечал предполагаемому цензору автор неконвенциональных книг (Гачев, 1995: 6). Сам Ю. М. Лотман, отказавшись опубликовать статью Г. Д. Гачева, признал её как «факт художественной прозы в большей мере, чем научной»².

В отличие от чтения предлагаемой будущим филологам научно-учебной литературы «во времена утилитарной специализации в науке» (Сидоров, 1988: 4) процесс чтения гачевского неконвенционального сопровождается резонированием в ответ и дальнейшими размышлениями. Подобно Сократу, предлагавшему собеседнику применять собственный ум и не доверять целиком унаследованной от предков мифологической картине мира, Г. Д. Гачев собственным «жизнемыслием» позволяет понять, что каждый человек чреват знанием и способен открыть свою истину, преодолеть узконаправленные координаты «бытия-в-мифе».

«Гачев постигал смысл бытия и себя в нём не в специально отведённые для подобных размышлений часы, а — ежесекундно. Он был экзистенцией в чистом виде — и “другое” существовало для него лишь постольку, поскольку он мог это помыслить как своё», — пишет И. Волгин³.

Г. Д. Гачев «принципиально не разделял в себе человека мыслящего и человека живущего. Его основной жанр — **жизненно-философский дневник**, в котором были сплавлены воедино опыты повседневности и труд творческой мысли, более того — сама повседневность представляла лучшую смыслами, продуцировала сюжеты для умозрения», пишут о нем его дети Анастасия, Дмитрий, Лариса Гачевы⁴.

В упомянутой «исповести», словно отбиваясь от ратующих за строгое научное письмо пуристов, дотошных редакторов и придирчивых издателей, он делает следующую запись:

«18 марта 1983 г. Я (человек) не могу ждать, пока человечество разрешит все проклятые вопросы, найдет истину и заживет по совести и счастливо в мировом масштабе: у него запаса бесконечность, а у меня отмеренный срок, так что все это я должен сделать за свою жизнь. То есть: ее я сам должен проориентировать на истину и построить, чтоб по совести и счастливо. <...> **Что же до жанра <...>. Смешайте все (жанры) — и получите мой**» (Гачев, 1995: 18; выделено мной. — У. Б.)

Г. Д. Гачев сознательно «нарушает принятый в науке этикет» (Гачев, 2008: 12). Однако интеллектуальное наследие — гачевское неконвенциональное, созданное в «нигилистическом» жанре — уникальный при-

знакомства. 2022. № 5(68). С. 7). Анастасия, Дмитрий, Лариса Гачевы в книге Гачева, опубликованной в «толстом» журнале: Гачев Г. Д. Жизнеописание. Книга в журнале // Литературные знакомства. 2022. № 5 (68). С. 5–123; Он же. Жизнеописание. Книга в журнале // Литературные знакомства. 2022. № 6 (69). С. 5–147.

¹ Эту эпитафию 25 марта 2008 г. и увидел каждый, кто пришел проститься с Георгием Дмитриевичем в храм святого благоверного царевича Димитрия при Первой градской больнице в Москве.

² См.: Вертикаль жизни смысла [Электронный ресурс] // Литературная газета. 2019. № 24 (6694). 19 июня. URL: <https://lgz.ru/article/vertikal-zhizni-i-mysli/> (дата обращения: 09.09.2024).

³ Там же.

⁴ Анастасия, Дмитрий, Лариса Гачевы. Несколько предваряющих слов / Гачев Г. «Жизнеописание» // Литературные знакомства. 2022. № 5(68). С. 6–7. Выделено в цитате мной. — У. Б.

мер созидания особого «разума восхищенного»¹, человека, идущего своим исследовательским маршрутом, преодолевающего несправедливость мира и своим восприятием снимающего его противоречия.

Гачевский «ветхий завет» и «новый завет» — национальные образы мира

Главный труд жизни Г. Д. Гачева — многотомное сравнительное описание культур и миропониманий разных народов, которому он посвятил без малого пять десятков лет своей земной жизни (Гачев, 1999: 4)². Особым импульсом для развертывания этого направления исследований, начатого в начале 60-х годов XX века, стала аспирантская молодежь Москвы:

«Осенью 1966 года среди аспирантов Института мировой литературы из национальных республик возникла идея: устроить семинар по национальному пониманию мира в литературе. Зная, что я уже несколько лет занимался этим предметом, они предложили мне вести его. Мы стали собираться в аспирантском общежитии Академии Наук, в комнате у Мурата Ауэзова, располагаясь на 4–5 стульях вокруг стола, на двух кроватях. <...> Большинство участников наших бесед принадлежало к представителям восточных народов, и потому разговор чаще всего имел в виду варианты восточных видений мира» (Гачев, 1999: 6, 8)³.

Увлеченностью Гегелем и невозможностью во времена СССР свободно путешествовать в дальнее зарубежье объясняет Г. Д. Гачев свой «способ путешествовать — в жанре интеллектуальных путешествий в страны мира»⁴. Об этом он писал в «Ментальностях народов мира» (Гачев, 2008: 12), «Жизнеописании»⁵, в том же посвященном культурам и миропониманию народов Грузии, Азербайджана и Армении: «Мой жанр — интеллектуальное путешествие» (Гачев, 2002: 12–13). Это акцентирование отнюдь не случайно и его следует принять к сведению во избежание однозначного понимания и трактования главного направления его научно-творческого жизненного замысла.

«Я называю мою тему — “Национальные образы мира”. Или “Этнические картины мира” (Ethnic Pictures of the World) — так перевели в Америке в 1969 году мою первую статью на эту тему “Национальные картины мира”, опубликованную в журнале “Народы Азии и Африки”, 1967, №1. Или — “Национальные ментальности”» (Гачев, 2008: 9).

Избегая строгой дефиниции терминов (национальный, этнический, региональный) в силу их соположенности и наличия одинаковых сем, Г. Д. Гачев предлагает не тратить времени на эту «софистику» (там же: 10). Основной термин гачевского способа генерирования знания о единстве местной природы, характера народа и склада его мышления — национальной целостности или о Космо-Психо-Логосе — это «более умеренный термин “национальные образы мира”» (там же: 43).

«Искомую национальную целостность я определяю как Космо-Психо-Логос. Подобно тому, как каждое существо есть троичное единство местной природы (Космос), характера народа (Психея), склада мышления (Логос). В Космо-Психо-Логосе три элемента (уровня) национальной целостности находятся в отношении и соответствия (тождества друг другу) и взаимной дополнительности (противоположности и уравновешивания. В описании и анализе тут требуется тонко работать — ассоциируя и расчленяя, дифференцируя» (там же: 34).

Метод и основной принцип исследования национальных моделей мира Г. Д. Гачева заключается в сравнении различных национальных моделей как явлений и объектов, сходных по конкретным параметрам. Для того, чтобы выявить национальную логику, необходимо «целостность бытия одного народа сравнивать с аналогичной целостностью другого» (Гачев, 2008: 42). Только при таком подходе «национальные логики» станут различимыми и понятными. Таким же способом и «национальный

¹ «Вот и себя чувствую: присутствует во мне РАЗУМ ВОСХИЩЕННЫЙ — не «возмущенный», а именно позитивное отношение ко всему. И никогда не быть критиком-осудителем, а эстетиком-восхитителем» (Гачев Г. Д. Жизнеописание. Книга в журнале // Литературные знакомства. 2022. № 5(68). С. 69).

² «Задумываться над этим разнообразием-пестротой бытия и полилогом мирозерцаний я начал давно, 40 лет уж назад» (Гачев, 1999: 4).

³ «Участники наших бесед — вот они: Мурат Ауэзов — казах, Болатхан Тайжанов — казах, Ораз Дурдыев — туркмен, Борис Гургулиа — абхаз, Константин Цвинария — абхаз, Джура Бако-заде — таджик, Альгис Бучис — литовец, Белецкий — молдован, Михаил Чиремпей — буковинец. Это постоянные. Иногда приходили: ... , девушка-калмычка, латыш-эстетик и иные» (там же: 8).

⁴ Гачев Г. Д. Жизнеописание. Книга в журнале // Литературные знакомства. 2022. № 6 (69). С. 129.

⁵ Там же.

характер», и «национальный дух» можно рассматривать более объективно: «тип природы, культуры, языка и пр.» (там же: 42). Понятие же «национальный Космо-Психо-Логос» в чертеже Г. Д. Гачев представил в «Ментальностях народов мира» (см.: Гачев, 2008: 43).

Г. Д. Гачев далек от претензий на конечность своих выводов, напротив в последующих книгах он продолжает наращивать новые знания — таков его способ думания. Он однозначно оговаривает:

«Итак, эти мои портреты национальных целостностей неизбежно субъективны, это МОИ ОБРАЗЫ о национальных образах мира разных стран и народов. Читатель пусть сомневается, критикует, моя мысль да провоцирует его собственную, порождает творческую активность ума — чего же более может ожидать автор от своего текста? У меня нет претензии и амбиции дать точное понятие (это и невозможно в подобных материях), но стремлюсь дать идею, представление об избранном предмете, раскрыть его проблемность» (там же: 13).

Логика же рассуждений Г. Д. Гачева основана на том, что познание может быть только диалогическим, она следует в русле диалогической формы познавательной деятельности, понимания идеи «Я» и «Другого» М. М. Бахтина¹. Г. Д. Гачев не может ограничиться только выявлением специфических «непохожестей» или «похожестей» универсальных. Сверхцель сравнительного анализа, обозначенной им в разных книгах, иная — показать полифонию мироздания, её поливариатность: «... конечная цель изучения национальных образов мира не в том, чтобы твердо закрепить какой-то аспект видения мира за данным народом <...>, но в том, чтобы разглядеть многовариантность мироздания, используя в качестве точек наблюдения разные национальные космосы» (Гачев, 1988: 53).

Идея плюрализма, богатства вариантов национальных космосов обнажает глубинные основы научно-творческого потенциала и самоопределения Г. Д. Гачева во времени и пространстве. Сравнительные описания той или иной национальной целостности (Гачев, 1999: 9–10) — не аксиома, в силу причин, места и времени их получения. Это не абсолютная истина, но истина. Истина относительная — динамичная, провоцирующая дальнейшие поиски. Его собственные «точки наблюдения» для каждого исследователя этого проблемного поля своего рода точки опоры, на которые можно опереться, оттолкнуться, переосмыслить, сравнить с другими знаниями, дополнить собственными умозаключениями, а значит прирастить новое. Об этом свидетельствует его запись от 5 мая 1993 г.:

«Итак, мой аспект — односторонний: я восписываю, так сказать, “ветхий завет” для каждой национальной целостности и индивидуума из нее. Они призваны писать своими трудами и жизнями “новый завет” — каждое поколение данного народа и каждая личность. Но “новый завет” пишется все равно по письменам и на основе “завета ветхого”» (Гачев, 2002: 10; выделено мной. — У. Б.).

Гачевский «ветхий завет» о национальных образах народов Европы и Америки, Кавказа, Центральной Азии — проект, не имеющий принципиального завершения, как и проект древнейшего «Ветхого завета» — первой части христианской Библии, уходящей корнями в еврейскую традицию. Первая часть гачевской библии является точкой надежды для вновь начинающих исследователей, особенно тех, кто интеллектуально борется за утверждение культур малочисленных, автохтонных народов, лишенных полного голоса в силу фортиссимо многочисленных и/или культивирования собственной виктимной позиции. Гачевский «старый завет» отнюдь не конечный продукт, он будет оставаться одной из эвристических установок в «новом завете» новых поколений исследователей, которые его будут писать, отталкиваясь от «ветхого».

Гачевское возвышенное — «возлюбленная непохожесть»

Мне не приходилось слышать призывно-назидательные выступления Г. Д. Гачева к чему бы то ни было. Представляется, что ему претило быть трибуном, взывать к чему-либо². Однако он час-

¹ «Быть значит общаться диалогически» (Бахтин, 1963: 338).

² О выходе Г. Д. Гачева на трибуну упоминается в «Жизнеописании» в записи «Процесс Синявского — и мои вопросы следователю в ИМЛИ» (Гачев Г. Д. Жизнеописание. Книга в журнале // Литературные знакомства. 2022. № 6 (69). С. 119–120). Этот выход и его вопрос следователю о презумпции невиновности, по словам С. Бочарова, «был поступок совсем в те времена беспрецедентный, поступок — Гачева одного поступок (после него и поведение самих героев на суде было беспрецедентным <...>» (Вертикаль жизни смысла [Электронный ресурс] // Литературная газета. 2019. № 24 (6694). 19 июня. URL: <https://lgz.ru/article/vertikal-zhizni-i-mysli/> (дата обращения: 09.09.2024).

то возвращался к разговору о насущной надобности обновления образования, в частности — гуманитарного. По мнению Г. Д. Гачева, без обращения к национальным особенностям народов, их культурам, психики, ментальности ни о каком обновлении речи быть не может; технологический прогресс безопасен лишь при учете гуманитарных проблем, культурных, ценностных и этических измерений в обществе. Свои размышления о сопровождавших процесс распада СССР национальных волнениях и «параде суверенитетов» он писал и в книгах, и отдельных записях. Эту проблему он упомянул, выступая на предзащите моей докторской диссертации в качестве рецензента и в дискуссиях на официальной защите 25 октября 2005 г. на заседании дис. совета в РУДН:

«В эпоху казенного интернационализма, эта проблема в науке и образовании не поднималась, как опасная разжиганием национальных страстей. Но вот подавленный огонь воспламенился и в бывшем Союзе ССР, полыхает и в других регионах мира, порождая множество трудноразрешимых конфликтов на национальной почве. Политики же, будучи образованы в этом отношении, оказываются бессильны перед ними. В этом повинна также и мировая наука: находясь в плену рационалистически-математических методов при установке на прогресс и унификацию, она проглядела универсальное значение национальной проблемы»¹.

На обложке посмертного издания книги «Ментальности народов мира» (2008), и в слове «От автора» 30 лет назад, в июне 1995 года Г. Д. Гачев пишет: «Национальное стало жгучей проблемой в современном мире. Политики разжигают национализм и торопятся практически “решать”, не подозревая с какой толщей бытия и культуры тут приходится иметь дело» (Гачев, 2008: 5).

Распад огромной страны на отдельные «этнодома» выдвинул новые правила совместного общежития на евразийском пространстве, но Г. Д. Гачев продолжает и в этих условиях писать о необходимости осознания национальных проблем. Вероятно, он думал и о том, что в среде студенческой молодежи, читающей его книги, находятся будущие политики, которым западет в сознание заповедь «возлюбить ближнего своего как самого себя» в гачевской интерпретации:

«Наша цель — явить взаимную дополнительность, как бы разделение исторического и культурного труда между странами и народами, описать национальный мир и ум как инструмент с особым тембром в симфоническом оркестре человечества и так продемонстрировать богатый спектр в наличном достоянии современной цивилизации Земли. **Возлюбленная непохожесть** — этим дорожить надо, это наша общая ценность. <...> Такой пафос сей книги. Она призвана содействовать взаимопониманию между народами и культурами» (Гачев, 2008: 5; выделено в источнике. — У. Б.);

«Разумеется, все равные и равноценные. Они все — музыка, все исполняют ее. Но один — флейта, другой — скрипка, труба, фанго, арфа ... Каждый обладает своим тембром и добавляет свою краску в симфонию Вселенной. И следует ли нам обижаться на другой инструмент из-за его неравноподобия мне: валторне, например, на фортепиано? Напротив, восхищаться надо, обожать его тембр и талант, то особое знание и умение, которыми он одарен, а я их лишен, не умею так. **ВОЗЛЮБЛЕННАЯ НЕПОХОЖЕСТЬ!** Вот что да будет наш пафос в исследовании национальных особенностей» (там же: 15).

Стоит ли говорить о гачевском возвышенном, об актуальности идеи «возлюбленной непохожести» в исторические времена взаимно-непониманий, меняющих глобальную логику и основания взаимоотношений в мировом порядке? Очевидно стоит говорить со студентами о гачевском возвышенном, не предусматривающем заборы-частоты между народами. Следует идти в аудиторию и говорить об общих для всех народов ценностях, о том, что взгляд сверху вниз на иных порождает и поддерживает честолюбие за счет дешевого самоутверждения, низкопробные передачи про «джамшудов и равшанов», плоские «национальные» анекдоты и ярлыки характеризуют дремучее невежество их создателей и потребителей подобных продуктов. Стоит говорить в студенческой аудитории о том, что истинное знание о своей культуре рождается в диалоге, узнавание и уважение иных культур спасает от спесивого полужайства и ложного превосходства.

«Народы — равновелики, тогда как нации бывают более или менее “знатные”, древние, цивилизованные — и им приходится все время отстаивать равенство прав. <...> Но чуть больше этого чувства национального достоинства — и оно уже перестает в чванство и слепоту, перестает быть творческим» (Гачев, 1988: 23).

¹ Запись из личного архива автора.

Г. Д. Гачев, разрабатывавший собственную «экзистенциальную культурологию» (Гачев, 2008: 13), не писал об одиночных монадах, не создавал отдельные одноцветные и застывшие в монолите кубики, но предложил собственный взгляд на культурный плюрализм человеческого общежития, только мобильность, разноцветность и взаимосвязанность которого обеспечивает его работу как системы. Гачевскому «ветхому завету» и «новому завету» суждена большая биография, по крайней мере до тех пор, пока в науке остается проблема восстановления родства всех народов мира в масштабах единой истории человеческого общежития. Гачевское возвышенное, внедренное в образование, может способствовать качественной трансформации гуманитарного образования и общества в целом.

Перспективность идей Г. Д. Гачева для системной лингвистики и проблемного поля транслингвальной литературы

Размышления Г. Д. Гачева весьма значимы для верификации, а значит и развития общей теории языка и теорий частных языкознаний. Особенно продуктивными они представляются для исследователей, руководствующихся системным подходом к языку. Идеи Г. Д. Гачева коррелируют с идеями лингвистов-системологов и сходятся в преимущественном их интересе к культуре как целостному органическому единству. Основоположники системной лингвистики: В. фон Гумбольдт, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Потебня, Г. П. Мельников и др. изучали проблему взаимосвязи языка и культуры, языка как феномена культуры народа.

Наиболее значимым ракурсом всех лингвистических исследований Гумбольдт считал определение мировоззрения народов через их языки. Творческая сила языка он рассматривал в тесной связи с мыслительной деятельностью индивида и народа. По Гумбольдту, язык и готовый инструмент, и нечто созданное (*ergon*), и деятельность (*energeia*) духа; язык — произвольное средство выражения и обретения истины, в структуре которого воплощено особое воззрение на окружающий мир. Ученый, объясняя языковую специфику в части содержательной стороны языка, его внутренней формы, исходил из духовных особенностей народа, из «способа укоренения человека в действительности» (Гумбольдт, 1984: 173).

Идущее от В. фон Гумбольдта определение языка как посредника между миром и человеком, положение о триединстве мира, человека и его языка, требование рассматривать язык с точки зрения разносторонних связей человека, учение о социальной природе человека и его языка как их внутреннем свойстве согласуется с позицией И. А. Бодуэна де Куртенэ¹ и лингвистической концепцией физика-атомщика, кандидата технических и доктора филологических наук Г. П. Мельникова².

Г. Д. Гачев также настаивает на том, что именно местная природа есть текст, скрижаль завета, которую народ призван понять и реализовать в ходе истории, создавая культуру в гармонии с природой. По Гачеву, географическая территория и свойственный ей климат обуславливают способ хозяйствования (земледелие, собирательство, отгонное скотоводство). Складывающиеся при том или ином способе вживания в окружающую среду производственные отношения диктуют специфическое осмысление конкретным народом окружающей действительности, её объективацию в конкретной «языковой оболочке» и формируют языковые картины мира.

Разговоры Г. П. Мельникова с Г. Д. Гачевым после лекций за чаем в Федоровской библиотеке о том, что нет языков совершенных и несовершенных, сказанные в конце 1980-х гг., вдохновляли. И это

¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ, исходя из факта о том, что язык является общественным, психосоциальным явлением, существующим во времени и пространстве, утверждал обусловленность языкового разнообразия географическими, хронологическими и социологическими различиями. Ученый допускал аспектуальное изучение языка, с какой-либо одной позиции. Однако, развивая системный подход к языку ученый настаивал на необходимости при любой классификации языков объяснять рассматриваемые факты «одновременно как в связи с историей, так и с географией, наконец, с физиологией и психологией и даже с физикой и механикой» (см.: Бодуэн де Куртенэ, 1963: 342).

² Своего современника, коллегу и друга по совместным поискам Г. П. Мельникова, в чьих трудах наиболее полно получил свое развитие системный подход к языку, Г. Д. Гачев приглашал с лекциями на научные семинары в начале 1990-х гг. в Федоровскую библиотеку на улице Профсоюзной в г. Москве. В те времена «разброда и шатаний», когда «кооперативно-челночная» практика жизни превалировала над наукой они собирались и слушали идеи друг друга, обсуждали и спорили о причинах разной типологической объективации национальных особенностей в языке.

обсуждение, как потом стало понятно, не был адресовано в утешение мне, этнический язык которой не принято было называть «великим» (см.: Бахтикиреева, 2024), а всем. Будучи тяжело больным, осенью 1999 г., незадолго до кончины Г. П. Мельников (1928–2000), сам принёс в редакцию журнала «Дельфис» статью «Где центр глубинной евразийской культуры? (идеи евразийства в свете достижений системной типологии языков)» (Мельников, 2001), которая позже была также опубликована в «Вестнике РУДН» (Мельников, 2011). В ней был один из важных для меня выводов: «Современная системная типология языков обосновывает положение о равном интеллектуальном совершенстве всех языковых систем мира» (Мельников, 2001: 6–7).

В опубликованном в 2003 г. фундаментальном труде Г. П. Мельникова «Системная типология языков» (Мельников, 2003) я получила дополнительные аргументы в пользу положения о равновеликости языков всех народов мира. Выводы ученого поколебали категории этнолингвистики Сепира-Уорфа, которые позволяли описывать различия в поведенческих стереотипах людей — носителей разных языков, строить «языковую картину мира», соотносить её с внелингвистической действительностью, исходя из допущения об автоматическом, бессознательном модусе владения языком. В свете системного подхода Г. П. Мельникова обнаружилась несостоятельность позиции О. фон Бётлингга — немецкого и русского индолога, санскритолога, утверждавшего, что «гармония гласных в урало-алтайских языках — это лишь одна из форм проявления “косности уралоалтайцев”, свойственной будто бы и их культуре, и мышлению, и даже физиологии» (Мельников, 2003: 328–329), а также шведского фонетиста Б. Мальмберга, считавшего, что наличие гармонии гласных в языке следует рассматривать как проявление «”примитивности” этого языка» (там же: 328–329).

Положение о равноценности интеллектуального совершенства всех языковых систем мира (Мельников, 2001: 6–7) находит свое подтверждение и в гачевском возвышенном: «Разумеется, все равные и равнозначные. <...> Но один — флейта, другой — скрипка, труба, фагот, арфа ...» (Гачев, 2008: 15). Дальнейшее изучение «жизнемыслей» Г. Д. Гачева о важности изучения любого национального языка как голоса местной природы (Гачев, 1988: 353–378), о языковой системе от фонетики до стилистики позволяет получить дополнительные аргументы в пользу актуальности системного подхода к языку.

«Естественные национальные языки — могучие инструменты, позволяющие проникнуть в субстанцию национального Космо-Психо-Логоса — и со стороны своей фонетики, и со стороны грамматической структуры. <...> Национальные языки в звучности своей — голоса местной природы в человеке. У звуков языка — прямая связь с пространством естественной акустики, которая в горах иная, чем в пространстве и степи. <...> Если фонетика языка аналогична национальному Космосу, то грамматика языка — средство проникнуть в национальный Логос» (Гачев, 2008: 53, 57; 353–378; 53–60).

Не вызывает сомнений, что труды Г. Д. Гачева останутся востребованными не только гуманитариями, но и представителями точных наук (математика, физика и др.). Гачевский мост, перекинутый между гуманитарными науками (философия, литературоведение, культурология, языкознанием и др.) и естествознанием, пока находится вне поля заинтересованного внимания исследователей. Этот особый опыт синтеза пока остается прелюдией к будущим мульти- и трансдисциплинарным исследованиям. Недостаточной остается научная рефлексия продуктивных идей для таких отраслей знания, как: этнолингвистика, этнопсихоллингвистика, этническая культурология и др. Его «жизнемыслия» о способах укоренения того или иного народа в окружающую среду, обусловленных географическими и климатическими условиями жилища, трудовой жизнедеятельности, «философии пищи и питья», национальных играх и танцах и др. (Гачев, 1988: 9–281) — будут востребованы новым поколением исследователей.

Другими идеями Г. Д. Гачева, значимыми для моих поисков, являются его «жизнемыслия» о русскоязычной литературе этнически нерусских авторов. В процессе моего докторского исследования по художественному / литературному билингвизму¹ ощущалась острая нехватка аргументации для обоснования актуальности изучения «ничейной литературы». Принципиальная особенность русскоязычной литературы этнически нерусских авторов в том, что её невозможно однозначно причислить к национальной русской литературе, в силу воспроизведения иных систем образов хотя и в русской «языковой оболочке». Она отторгалась и пуристами национальных литератур, считающими русский язык творчества неприемлемым для принятия литературы в лоно этнической культуры. Спаситель-

¹ Бахтикиреева У. М. Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2005.

ными идеями для обоснования теоретико-методологической базы исследования наряду с пушкинским восторженным послесловием к «Долине Ажитугай» черкеса, писавшего «на русском языке свободно, сильно и живописно»¹, выступлением Г. П. Мельникова на официальной защите² моей кандидатской диссертации, статей Н. Л. Лейдермана о русскоязычной литературе «достойной самого серьезного изучения»³, стали рассыпанные в разных гачевских книгах «жизнемыслия»:

«На периферии российского региона, как и на периферии античного: Эллады и Рима, — их культурой и языком воспользовавшись, складывается и растет-крепнет могучая культура — творчество. Она — на русском языке, но и сверх-русская (иль “недо-русская”, как иные считают пуристы?...). Использовал мировой Дух (Гегеля если схемой воспользоваться) для своих целей русский язык и его великую литературу — и пошел сим Словом орошать и плодотворить; а новообращенные в него свою живую кровь и Эрос вливают <...>. Так что русский язык перестал совпадать с Россией. И давно уже этот процесс идет» (Гачев, 2002: 613). «Да, ни в одной стране в мире не было, нет такого одновременного и живого сосуществования почти всех известных в истории эпох жизни и мышления, которое налицо в истории советского общества <...>. И грех было бы не воспользоваться этим преимуществом для более глубокого осмысления закономерностей литературы вообще» (там же: 293).

Словно защищая творческих «нацменов», прокладывая мост, примиряет Г. Д. Гачев позиции ревнителей национальной русской и созданных на этнических языках инациональных литератур, говоря о «художественно творящем нацмене»:

«При двуязычии язык и национальное сознание превращаются, по словам литературоведа и философа М. М. Бахтина, из абсолютной догмы, какими они являлись в пределах замкнутости и глухого одноязычия, — в более гибкую и податливую новым понятиям мировоззренческую систему. <...> Ибо ‘двуязычник’, живя между двух моделей мира, явственно ощущает недостаточность, относительность каждой из них, чего не видит самоуверенный ‘одноязычник’, на каком бы великом языке он ни мыслит. Ценностно-акцентные системы двух языков (двух миров) взаимопросвечивают друг друга. Для художественно творящего двуязычного ‘нацмена’ сам язык и мышление его народа живут все время в двух аспектах: *свой — родной* (в котором вырос) и *свой — чужой* (как он выглядит со стороны и изнутри русского или английского языка, на котором он приобщился к образованию <...>» (Гачев, 1988: 37; выделено в источнике. — У. Б.).

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.: Изд. АН СССР, 1937–1949. Т. 13. С. 25.

² «Сам факт, что писатель, не будучи русским, поднимает тебя выше, чем некоторые кровные русские — это уже само по себе замечательно!

Теперь мне хотелось бы обратить внимание на то, как совместить эти две языковые стихии, две разные системы образов. В чем их главное отличие? — В том, что наши индоевропейские образы (которые наиболее развиты в славянских языках) — динамичные. Это образы — развитие, это — движение, это — направление. А тюркские образы — статичные, это — краска, это — расцветка. Русский как бы кинематографичен, а тюркский — фотографичен, фотогеничен. В этой связи возникает вопрос следующего порядка: Айтматов пишет о тюркском, следовательно, как носитель тюркского языка, носитель культуры, он как бы должен быть привычным носителем фотогеничности, а в то же время пишет на русском языке, который хорошо приспособлен для выражения содержания через динамику, через кинематографичность. Не возникает ли тут какой-то коллизии? В принципе, она может быть. Но особенность Айтматова заключается в том, что он находит из еще не найденных русских средств такие, которые приспособлены для выражения статических черт, важных для выражения образов тюркской культуры. Тюркская статичность передается через русскую динамичность, и мы приобщаемся к образности и переживаниям, мироощущению, который есть у тюрков.

Мне представляется, когда говорится о том, что художественный образ должен быть в значительной мере национальным, то мы должны разрешить вопрос: какие черты образа необходимо для этого описать? А описать нужно именно те, которые важны с точки зрения внутренних форм данного типа языка, которые тесно переплетаются с внутренними формами всей культуры. И в этом смысле я поддерживаю диссертантку. Такая работа чрезвычайно ценна...». См.: Мельников Г. П. Выступление в официальных дискуссиях // Стенограмма отчета заседания по защите кандидатской диссертации У. М. Бахтикиреевой «Художественные функции лексики с национально-культурным компонентом семантики в романе Ч. Айтматова «И дольше века длится день». М., 22.12.1995. С. 11–14. (Из личного архива автора).

³ «Этот изворот российской литературоведческой мысли» — русскоязычную литературу — реальный и значительный художественный феномен литературная наука оказалась теоретически не готова описать. <...> Но в истории российской словесности советской эпохи она свой след оставила. И она достойна самого серьезного изучения» (см.: Лейдерман, 2007: 39–40, 49).

Продуктивность и перспективность этого положения об особенностях билингвального автора подтверждается трудами известных ученых. В поисках аналогии можно обратиться к «Феномену культуры» Ю. М. Лотмана, его построениям о «мыслящем устройстве», структура которого может быть моно- и билингвальной (Лотман, 1992: 34–45), к монографии «Иппокрена. Хожение к колодцу времен» М. М. Ауэзова о т. н. «маргинальной» (билингвальной как минимум) личности» (Ауэзов, 1997: 107–111) и др.

Однако неконвенциональный Г. Д. Гачев сказал о многих «нацменах» и народах вольно, как не могли сказать о себе мы сами — земледельцы, кочевники, горцы. Он звал нас в путь прокладывать дальше исследовательские маршруты. Нельзя сказать, что до него не было «аутсайдерского» исследования образов, литературы, культуры «нацменов», однако в его видении присутствовала особая эмпатия. Возможно, потому что он расшифровывал и себя: «Да и недаром — понял сейчас! — к этой теме прильнул: турок ведь я, не казак: корни-то болгарские с турецкими там, небось, за века ига-то поперемешались! — так что дам я в этом путешествии ход и самопознанию...» (Гачев, 2002: 44).

Г. Д. Гачев искренне радовался и не умел быть «академичным бонзом», снисходящим до молодых исследователей. Он находил своего рода «точки роста» в каждом молодом диссертанте и поддерживал их в своих выступлениях. Вызывает сожаление, что Г. Д. Гачев не получил при жизни еще одного фундаментального аргумента в пользу своих положений и выводов о русскоязычной литературе и транслингвальном писателе — «нацмене», доказательно представленной в докторской диссертации¹ и других работах И. С. Хугаева:

«Где пролегает граница между русской литературой и русскоязычной осетинской (или какой-либо другой национальной) литературой? Язык — важнейший критерий национальной идентичности литературы, но не абсолютный критерий. Чужой язык и своя культура состоят в творческом акте, в сложном диалектическом взаимодействии, в борьбе и единстве, решительно определяющем идейно-пластическую самобытность транслингвальных текстов. <...> насколько осетин, пишущий на русском языке, перестает быть осетином, настолько и русский язык перестает быть сугубо таковым, когда по-русски пишет осетин» (Хугаев, 2013: 2–3; выделено курсивом в источнике. — У. Б.; см. также: Хугаев, 2008).

Гачевский «новый завет» о русскоязычном «нацмене» продолжает свое наполнение и в работах исследователей старшего поколения, и молодого. Но пишется он с опорой на гачевский «ветхий завет» с его неконечным целеполаганием, зовущим в интеллектуальное путешествие.

Заключение

Каждый, кто предпринимает попытку анализировать интеллектуальное наследие Г. Д. Гачева, подобен человеку, пытающемуся разложить по папочкам и расставить по полочкам весь поток его «жизнелюбимых». В этом и заключается феномен создателя чего-то нового, идущего своим путем и не заглядывающего в чужие окна — он не вмещается в традиционный ряд. В своем наследии он представлен многолико: литературовед, славист по базовому образованию, уникальный философ по жизнелюбимости, культуролог, лингвист, историк... Этот список может быть продолжен, если перечислить его многочисленные тома по описанию национальных образов разных народов. Множество ипостасей, объединенных в одной личности, преодолели ограничения национальных, культурных, языковых и академических форм знания, традиционного инструментария гуманитарных наук времен «утилитарной специализации в науке» (Сидоров, 1988: 4). В своей феноменальной гачевской научной-творческой лаборатории Георгий Дмитриевич был свободен от официальных установок и представлений. Смысл созданных им книг интересен, понятен, рационален для опыта каждого читателя, потому что их создатель был свободен в выражении своего мирозерцания, и книги нужны были их автору. Гачевская модель продуцирования и трансляции знания вызывает цепную реакцию сопричастия к счастью познания. Нелинейный способ познания национальных образов мира обращает нас к необходимости помнить о том, что гуманитарии не могут не осмысливать гачевское неконвенциональное и возвышенное, когда остается проблема восстановления исторического родства народов.

¹ Хугаев И. С. Осетинская русскоязычная литература: генезис и становление : дис. ... д-ра филол. н. Владикавказ, 2010.

В средневековой Центральной (Средней) Азии творили ученые и одновременно поэты. О. О. Сулейменов называет их *чаляби* — людьми чувственного ума, умеющими создавать символы и разгадывать их. Единственная привилегия *чаляби* — счастье познания¹. *Чаляби* — человек, постигающий все явления окружающей действительности в чувственном опыте — таким Человеком мне представляется Георгий Дмитриевич Гачев, — «упуская время, живший счастливо» и «оказавшийся в Вечности»². Это мое восприятие личности этого феноменального человека. Но мне думается, что существующие и будущие суждения, мнения читателей и исследователей — представителей разных отраслей знания об отдельной книге или в целом о научно-творческом наследии и о личности Г. Д. Гачева, в том числе полярные, будут сходиться в одном — гачевский метод мышления меняет человека и его восприятие окружающей действительности во всей её совокупности, а значит — и мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ауэзов, М. М. (1997) Иппокрена. Хождение к колодцу времен. Алматы : ИД «Жибек жолы». 170 с.
- Бахтиреева, У. М. (2024) Дом бытия полилингвальных личностей (интервью с Т. Г. Боргояковой и З. А. Кукуковой) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 276–290. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.18>
- Бахтин, М. М. (1963) Проблемы поэтики Достоевского. М. : Советский писатель. 363 с.
- Бодуэн де Куртене, И. А. (1963) Избранные труды по общему языкознанию : в 2-х т. М. : АН СССР. Т. 2. 391 с.
- Визгин, В. П. (2017) Г. Д. Гачев. Образы божества в культуре. Национальные варианты // Вопросы философии. № 12. С. 218–222.
- Гачев, Г. Д. (1988) Национальные образы мира. М. : Советский писатель. 448 с.
- Гачев, Г. (1995) Жизнь с мыслью. Книга счастливого человека (пока...). М. : ДИ-ДИК-ТАНАСИС МТРК «МИР». 493 с.
- Гачев, Г. Д. (1999) Национальные образы мира. Евразия — космос кочевника, земледельца и горца. М. : Институт ДИДИК. 368 с.
- Гачев, Г. Д. (2002) Национальные образы мира. Кавказ. Интеллектуальные путешествия из России в Грузию, Азербайджан и Армению. М. : Издательский сервис. 416 с.
- Гачев, Г. Д. (2008) Ментальности народов мира. М. : Алгоритм, Эксмо. 544 с.
- Гумбольдт, В. фон (1984) Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс. 400 с.
- Лейдерман, Н. Л. (2007) Русскоязычная литература — перекресток культур // Взаимодействие национальных художественных культур: литература и лингвистика (проблемы изучения и обучения): материалы XIII научно-практ. конф. словесников. Екатеринбург, 23–24 октября 2007 г. / сост.: Н. Л. Лейдерман, О. Ю. Багдасарян. Екатеринбург : ГОУ ВПО Урал. гос. пед. ун-т, НИЦ Словесник. 131 с. С. 39–49.
- Лотман, Ю. М. (1992) Избранные статьи : в 3 т. Таллин : Александра. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. 479 с.
- Мельников, Г. П. (2001) Где центр глубинной евразийской культуры? (Идеи евразийства в свете достижений системной типологии языков) // Дельфис. № 1(25). С. 77–81.
- Мельников, Г. П. (2011) Где центр глубинной евразийской культуры? (идеи евразийства в свете достижений системной типологии языков) // Вестник РУДН. Серия Теория языка, Семиотика. Семантика. № 1. С. 6–13.
- Мельников, Г. П. (2003) Системная типология языков: Принципы, методы, модели. М. : Наука. 395 с.
- Сидоров, Е. Ю. (1988) О Георгии Гачеве и его книге // Гачев Г. Национальные образы мира. М. : Советский писатель. 448 с. С. 3–6.
- Тува : Родная земля (2023) / Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д., Кужугет Ш. Ю., Майны Ш. Б., Санчай Ч. Х.; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.
- Тувинцы : Родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 360 с.

¹ Сулейменов О. О. Азия. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата: Жазушы, 1975. С. 195.

² Георгий Гачев. Вопрошающий ум [Электронный ресурс] // Канал «Культура». Программа «Наблюдатель». 2024, 13 мая. URL: <https://smotrim.ru/video/2804026> (дата обращения: 01.08.2024).

Федякин, С. Р. (2010) В поле напряжения между жизнью и мыслью. Творческий портрет Георгия Гачева // Литературоведческий журнал. № 26. С. 107–125.

Хугаев, И. С. (2008) Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ : Ир. 559 с.

Хугаев, И. С. (2013) О границах и критериях национальной транслингвальной литературы // Вестник Владикавказского научного центра. Т. 13. № 1. С. 2–6.

Дата поступления: 12.08.2024 г.

Дата принятия: 20.10.2024 г.

REFERENCES

- Auezov, M. M. (1997) *Hippocrene. Walking to the Well of Times*. Almaty, ID «Zhibek zholy». 170 p. (In Russ.).
- Bakhtikireeva, U. M. (2024) House of being of multilingual personalities: interview with T. G. Borgoyakova and Z. A. Kuchukova. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 276–290. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.1.18>
- Bakhtin, M. M. (1963) *Problems of Dostoevsky's Poetics*. Moscow, Sovetskii pisatel'. 363 p. (In Russ.).
- Boduen de Kurtene, I. A. (1963) *Selected works on general linguistics* : in 2 vol. Moscow, AN SSSR. Vol. 2. 391 p. (In Russ.).
- Vizgin, V. P. (2017) G. D. Gachev. Images of the deity in culture. National options. *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 218–222. (In Russ.).
- Gachev, G. D. (1988) *National images of the world*. Moscow, Sovetskii pisatel'. 448 p. (In Russ.).
- Gachev, G. (1995) *Living with a thought. The book of a happy man (so far...)* Moscow, DI-DIK-TANANIS MTRK «MIR». 493 p. (In Russ.).
- Gachev, G. D. (1999) *National images of the world. Eurasia is the space of a nomad, a farmer and a highlander*. Moscow, Institut DIDIK. 368 p. (In Russ.).
- Gachev, G. D. (2002) *National images of the world. Caucasus. Intellectual trips from Russia to Georgia, Azerbaijan and Armenia*. Moscow, Izdatel'skii servis. 416 p. (In Russ.).
- Gachev, G. D. (2008) *The mentalities of the peoples of the world*. Moscow, Algoritm, Eksmo. 544 p. (In Russ.).
- Gumbol'dt, V. fon (1984) *Selected works on linguistics*. Moscow, Progress. 400 p. (In Russ.).
- Leiderman, N. L. (2007) Russian language literature is a crossroads of cultures. In: *The interaction of national artistic cultures: literature and linguistics (problems of study and learning): materials of the XIII scientific and practical Conference of wordsmiths*. Yekaterinburg, October 23–24, 2007 / comp. by N. L. Leiderman, O. Yu. Bagdasarian. Ekaterinburg, GOU VPO Ural. gos. ped. un-t, NITs Slovesnik. 131 p. Pp. 39–49. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1992) *Selected articles*: in 3 vol. Tallin, Aleksandra. Vol. I. Articles on semiotics and topology of culture. 479 p. (In Russ.).
- Mel'nikov, G. P. (2001) Where is the center of deep Eurasian culture? (The ideas of Eurasianism in the light of the achievements of the systemic typology of languages). *Del'fis*, no. 1(25), pp. 77–81. (In Russ.).
- Mel'nikov, G. P. (2011) Where is the center of deep Eurasian culture? (The ideas of Eurasianism in the light of the achievements of the systemic typology of languages). *Vestnik RUDN. Serii Teoriia iazyka, Semiotika. Semantika*, no. 1, pp. 6–13. (In Russ.).
- Mel'nikov, G. P. (2003) *System typology of languages: Principles, methods, models*. Moscow, Nauka. 395 p. (In Russ.).
- Sidorov, E. Yu. (1988) About Georgy Gachev and his book. In: Gachev G. *National images of the world*. Moscow, Sovetskii pisatel'. 448 p. Pp. 3–6. (In Russ.).
- Tuva : Native land* (2023) / Lamazhaa Ch. K., Suvandii N. D., Kuzhuget Sh. Iu., Mainy Sh. B. and Sanchai Ch. Kh.; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 344 p. (In Russ.).
- Tuvans : Native people* (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Iu. Kuzhuget and Sh. B. Mainy; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 360 p. (In Russ.).
- Fediakin, S. R. (2010) In the field of tension between life and thought. Creative portrait of Georgy Gachev. *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 26, pp. 107–125. (In Russ.).
- Khugaev, I. S. (2008) *The genesis and development of Russian-language Ossetian literature*. Vladikavkaz, Ir. 559 p. (In Russ.).
- Khugaev, I. S. (2013) On the boundaries and criteria of the national translingual literature. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra*, vol. 13, no. 1, pp. 2–6. (In Russ.).

Submission date: 12.08.2024.

Acceptance date: 20.10.2024.